Николай Денисов

стихи

РАЗГОВОР

Николай Денисов

РАЗГОВОР

Стихи

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1978

Р2
Д33

Сборники стихов тюменского поэта Николая Денисова издавались в Тюмени, Москве, Свердловске. В 1975 году он был принят в Союз писателей СССР.

Новая поэтическая книга состоит из трех разделов, очень непохожих по жизненному материалу. Но все стихи объединены любовью к родным местам, к земле, проникнуты органичным, глубоким чувством Родины, ставшим для поэта источником духовных сил, мерилом нравственного здоровья человека и правильности избираемых им путей.

Д $\frac{70402—070}{М158(03)—78}$

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

И вот вхожу в знакомую страну —
Цветов, и трав, и пашни незабытой.
И коршун держит в лапах тишину,
Кружа своей разбойною орбитой.

И злой комарик с криком «Помоги!»
Напрасно бьется в лапах паутины.
И по тропинкам ползают жуки,
Как тяжело груженные машины.

Я слышу вновь крестьянский зов земли!
Она парит к полуденному зною.
Над ней, как пули, носятся шмели,
В нектар цветов ныряя головою.

А там, где с пашней слился окоем,
Найду друзей по тракторному гулу.
Былинной Русью пахнет чернозем.
И вновь в себе я чувствую Микулу!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Утро. Выстыло жилье.
Изморозь на раме.
За окном хрустит белье,
Машет рукавами.

И ведет с дровами дед
По привычке речи:
Мол, на весь-то белый свет
Не натопишь печи.

Потрудился, полежал.
Ну а как иначе!
Тут беседу поддержал
Самовар горячий.

Дед встает чайку попить,
Посидеть на лавке.
Жалко — нечего чинить,
Хомуты в отставке.

Стужа чистит закрома,
Но приятно глазу:
Сыновья везут корма —
Пять зародов сразу.

Вечер. Замерли в окне
Тыщи вьюжных змеек.
Сколько сразу на стене
Шуб и телогреек!

Стережет уют жилья
Веник на крылечке.
И сидят, как кумовья,
Валенки на печке.

ЗА ТЕСОВОЙ КРЕПКОЮ ОГРАДОЙ

За тесовой крепкою оградой,
Где качалась старая бадья,
Было все устроено как надо,
Для простого сельского житья.

Там я жил, не слыша речи бранной,
И, спускаясь в погреб босиком,
Воду пил из кадки деревянной —
С голубым колодезным ледком.

А зимой, когда метель кончалась,
Убегал с коньками на реку.
Ничего плохого не случалось
На моем на маленьком веку.

Так и жил бы!
Высмотрел невесту,
А когда уж годы подойдут,
Дом срубил, в простенке выбрав место,
Чтоб повесить грамоту за труд.

Но однажды —
В моду иль не в моду:
Не со мной одним произошло —
Я ушел в бригаду рыбзавода.
И прости-прощай, мое село!

Я в тайге бродил с братвой веселой,
По ночам о доме видел сны.
Пил в мороз из кружки
Спирт тяжелый,
Невод выручал из глубины.

Благодарен им — друзьям вчерашним,
Благодарен тем,
Кто рядом стыл,
Кто с пешней, как с пикой,
В рукопашный
На январский лед со мной ходил.

Испытал, как бьют из пушек вьюги
И воронки прорубей дымят,
Чтобы к той околице и лугу
Я пришел, обстрелянный, назад,

Где полна бадья росой туманной,
Где от зноя в погребе любом
Держат воду в кадке деревянной —
С голубым колодезным ледком.

ПРИЕМ ПУШНИНЫ

Сортирует пушииину приемщик н спец,
Дым махорочиый стелется низко.
Он сидит на полу,
Как восточный купец,
Назначает ои цены без риска!

Ои хозяии участка,
И ие торопясь
Прнинмает за штукою штуку.
Слева — лисьего меха гора подиялась,
И соболья — по правую руку.

А на стругаиых лавках,
Степеиность храия,
В полушубках тугнх, как кольчуги,
Восседает таежная наша родия —
Всё охотиики здешией округи.

Будет к вечеру дом наш ходить ходуиом,
Будет сплясано за ночь немало.
Вот меня отряжают за красиым вином,
Знаю, будут щедры
Небывало!

А прнемщик с хнтриикой киваег иа жен:
Мол, деньгу дожидаются
Скопом!
Но охотникн тут же ндут иа рожон,
Рукавнцамн хлопая об пол.

И сдается приемщик,
Он дружно прижат,
Он расчет совершает по кругу:
«Четвертные» и «сотни» — направо лежат,
Ну а «трешки» — по левую руку.

Будет к вечеру дом наш ходить ходуном,
Будут стены качаться от пляски.
И окрестные зайцы
За снежным бугром
В первый раз ночевать без опаски.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Розовел полумрак,
Огоньками разбужен,
Просыпалась поземка
В глуши камыша.
Санный путь сторожила
Январская стужа,
Но от лая собак
Согревалась душа.

Вот уже и околица
За поворотом.
Я замерз — и супонь
Развязать не смогу.
Но на конном дворе
Кто-то вышел к воротам
И шубенки коснулся:
«Ступай, распрягу!»

Я не помню: дошел
Иль добрел до порога,
Как на печь мне отец
Подставлял табурет,
Но в мальчишьих глазах
Вся стояла дорога,
Расплескав неземной
Фосфорический свет.

Может, завтра под длинную
Песню полозьев
Вновь умчат меня розвальни
Вдаль по селу.

Но по-прежнему верю я
После мороза
Русской печке,
Привету ее и теплу.

Где не раз под тулупом
Тяжелым, как туча,
Благодарный своей
Человечьей судьбе,
Забываясь от всех
Неурядиц гнетущих,
Засыпал я счастливым
Под песни в трубе.

СЛУЧАЙ НА РЕЧКЕ

Старый конь провалился под лед,
Не бывал он в такой передряге.
Не поспей на подмогу народ,
Не вернуться бы с речки коняге...

А бедняга дрожал у плетня:
— Хорошо бы под теплую крышу!
Под веселые крики мальчишек
В крайний дом заводили коня.

Сокрушаясь, хозяин нагреб
Полведерка овса из сусека:
— Это видано ль, граждане, чтоб...
Чтоб скотину — в жилье человека!

А коняга так грустно заржал,
Ржанью вьюги откликнулся тонко,
Может быть, он в тот миг вспоминал
Вольный луг и себя жеребенком.

ДОРОГА В ТАЙГЕ

Я трижды проклял бы урманы,
Где шамкал ворон:
— Быть беде!
Где звезды падали багряно,
За каждым шагом — по звезде.
Где утром в сумраке и злобе
Все тот же ворон каркал:
— Жуть!
А мы лопатами в сугробе
Саням прокладывали путь.
Был в полушубки, словно в латы,
Закован каждый человек.
До блеска стертые лопаты
Бросали отсветы на снег.
Круша валежник без пощады,
Мы торопились неспроста:
За нами новые бригады
Пробьются в рыбные места.
И снова сонно и громадно
Катилось солнце кое-как.
И кони снег хватали жадно,
Сухой и грубый, как наждак.
Поземки пасмурное пенье
Цеплялось за душу, знобя.
Я проклял бы свое рожденье,
Когда б работал для себя.

ПАМЯТЬ

Я засыпал на хвое колкой,
Пока костер недолго чах.
Мороз тяжелою двустволкой
Натужно бухал в кедрачах.

А после дымными хвостами
Нас встретил домик на пути.
Как сладко пахло хомутами
В том пятистеннике в кути.

Те захолустные, пустые
Места, где вывелся народ,
Обжили — с виду Львы Толстые,
Чалдоны с кипенью бород.

Там на постой пускали редко,
Но, поджидая новостей,
Тесней сдвигали табуретки
И хмуро слушали гостей.

Теперь бы вспомнить всю до точки
Простую быль о давних днях,
И поцелуй хозяйской дочки
В ночных бревенчатых сенях.

Она сама шептала жадно,
Косу, как душу, теребя:
— Возьми с собою, ненаглядный,
Как буду я любить тебя!

Но утром как-то торопливо,
Едва забрезжила заря,
Мы запрягли коней ретивых,
За хлеб и соль благодаря.

И бородач, кивнувший еле,
Да, видно, слова не найдя,
Присвистнул. Розвальни запели,
О наст полозьями скрипя.

Я снова спал на хвое колкой,
Где стужа жалит в сотни жал.
«Возьми с собою!» — долго-долго
Тот шепот ветер остужал.

И каждый день до злого пота
На восемнадцатом году
Ломил я грубую работу
С рыбацким неводом на льду.

Но неотступно — там, у тына,
Где холод индевел у губ,
Мне два зрачка смотрели в спину
И прожигали сквозь тулуп.

В МОРОЗ

На всем скаку мороз идет,
Грозя, играет саблей.
Без ветра около ворот
И лозунги ослабли.
Ослаб напор машинных трасс,
Ребячий гвалт у школы.
В конторе пишут в первый раз
Без спешки
Протоколы.
И я в тепле,
Сибирячок,
Укрылся оробело.
Но вот шагает старичок:
— Я, граждане, по делу!
Шагает,
Сам чему-то рад,
На посох налегает,
Где псы угрюмые сидят,
Привычно греясь лаем,
Где санный путь позамело —
Вдоль изб заиндевелых.
И уважительно село
Глядит во след:
«По делу!»
И долго-долго у оград,
Что инеем повиты,
По насту валенки скрипят
И посох деловитый.

КИНО 1945 ГОДА

Памяти киномеханика
М. С. Фадеева

Ни припевок, ни баб у колодца.
Кроме клуба, в домах — ни огня.
Там Фадеева Мишку, сдается,
Осаждает еще ребятня.

Нынче Мишка в себе неуверен,
Но мальчишки-то знают давно:
Он костьми может лечь возле двери,
Но без денег не пустит в кино!

Мишка курит, как водится, возле
Тех дверей. И порядок блюдет.
Он и сам уступил бы, но после
В сельсовете ему попадет.

Мишке не удержаться на месте:
Напирают на дверь пацаны.
Каждый слышал хорошие вести —
Те, что ждали четыре весны.

— Да ведь наши подходят к Берлину,
Гитлер-идол спасется навряд!
Мишка плюнул:
— Идите в картину,
Он за все и расплатится — гад!

ЗАПОВЕДНИК ВДВОЕМ СТЕРЕГЛИ

Отравили Тарзана. За что же?
Кто ответит? Молчит конура...
Мой отец, ни на что не похоже,
Горевал посредине двора.

Самокрутка дымила надсадно,
Боль, наверное, мало глуша.
Коровенку порушили б, ладно,
Все не так бы болела душа.

Не сутулил бы грузные плечи,
Отправляясь за сеном в пургу.
Да и летом бы рук не калечил
На сыром сенокосном лугу.

Отгорит еще сердце не скоро,
Не затопчешь, как спичку, в пыли.
Был он пес — инвалиду опора,
Заповедник вдвоем стерегли...

Кто-то пел за селом безмятежно,
Полыхали герани в окне...
А отец на оглобле тележной
Горько думал о прожитом дне.

НАД АБАТСКОМ

Над Абатском,
Над Абатском
Не погашены огни.
Мне никак нельзя расстаться
С деревенскими людьми,
Мимо пристани проехать,
Где течет Ишим-река.
Здесь стоял когда-то Чехов,
Поджидая ямщика.
Мимо клуба, где танцуют
Моряки-отпускники.
Дайте, парни, покажу я,
Сколько стоят каблуки!
Вот по кругу я лечу
И с девчатами шучу:
«Полюбите меня, девки,
Целоваться научу!»
Эх, не выдержит подкова
На веселом каблуке!
Вышла Оля Иванова,
Синь-косыночка в руке.
Выходила, наступала,
Под сапожками — картечь.
И куда моя пропала
Вся изысканная речь?
Пусть ведет она со мною
Непонятную игру,
Я под желтою луною
Белу рученьку беру.
Мы уходим в чисто поле,
Далеко слыхать шаги.

Только мне не хочет Оля
Насовсем отдать руки...

Над Абатском,
Над Абатском
Бродят звезды января.
Мне заря велит прощаться,
Над гостиницей горя.
Вот уже над сельсоветом
В золотой трубит рожок.
Никого со мною нету,
Только зря скрипит снежок.
День подкатывает ловко
К полутемному крыльцу.
Вот и срок командировки
Приближается к концу.

КОЛЮ ДРОВА

В чужом дворе колю дрова,
Морозные поленья.
Хозяйка, кажется вдова,
Кладет поленья в сени.

Она проносит ладный стан,
В избу позвать не смея.
И я молчу как истукан
Да ей во след глазею.

Да, да, конечно, приглашай,
Веди в свои палаты!
И вот уже дымится чай,
В кути гремят ухваты.

Трещит старательно сверчок —
Запечный житель звонкий.
И светит бойкий уголек
В глазок печной заслонки. 70

Она присела у огня
И, косу заплетая,
Так посмотрела на меня,
Как ни одна другая,

И виновато — на буфет,
Поправив полушалок.
Мне ничего не надо, нет!
А вот чайку — пожалуй!

Я так, немного посижу,
На улице простудно.
Я просто мимо шел, гляжу,
Что человеку трудно.

Я просто шел, тропа вела,
На сердце было слезно.

Ах, сколько в горнице тепла
От чурбаков морозных!

Без пропуска и визы
Пришел черед весны.
Хрустальные карнизы
Сбивают пацаны.

И «газик» с запчастями,
Влезая на бугор,
Идет, гремя цепями,
Как электромонтер.

Берет его с разгону
И дальше мчит, скользя.
Вслед каркает ворона
Простуженная вся.

Зато — меж рам,
Взгляни-ка,
Там вид совсем не плох:
Оттаяла брусника
И зеленеет мох.

В РАСПУТИЦУ

Шел мокрый снег.
Но — не до снега,
Когда такие чудеса:
Патриархальная телега!
Скрипят четыре колеса.

Я в туфлях брел.
Что делать?
Мода!
Вконец расквасились они.
Одно спасение —
Подвода!
— Подбрось-ка, дядя, до родни!

— Садись!..
Конек бежит прилежно,
С ним рядом Шарик, —
Хвост в репьях.
Я знаю толк в езде тележной,
Хоть больше ездил
На санях.

Возница хмур,
Неласков что-то.
И мне, скажу, не до речей.
А Шарик рад,
Что есть работа:
И лает, лает на грачей.

Из туманов белесых
Поднялись косари.
И клубннка в прокосах
Пьет остаткн зари.

Рукоплещут оснны
Ветерку — вдалеке.
Как крестьянскому сыну
Усидеть в холодке?

И опять мы с народом,
Навалившись гурьбой,
Понаставнм зародов,
Как покончим с косьбой.

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

Только смолкли лягушки-царевны
И уснул заколдованный лес,
Разбудил среди ночи деревню
Неожиданный грохот с небес.

Я дрожал, дожидаясь рассвета.
Испугался тогда не шутя.
И звенели на крыше монеты
Серебристой чеканки дождя.

И опять, прогремев в колеснице,
Громовержец ломал облака.
Кинул молнию огненной птицей
И сразил наповал мужика.

А под утро за лошадью пегой,
Что, наверно, оглохла в грозу,
Проскрипела в деревню телега,
Где лежал человек на возу.

И со страхом его провожая,
Выли бабы в проулке косом.
И живая вода дождевая
За тележным неслась колесом...

НА РОДИНЕ ДОЖДИК ИДЕТ

Промокший, зеленый от злости
Нахохлился день у ворот.
Измаялнсь в отпуске гости —
На родиие дождик идет.

И нет ии желанья, ни воли
У солнышка
высушнть грязь.
Комбайны остыли иа поле,
Издергана местная власть.

И лязгает попусту трактор,
И падает резко удой.
Но иет оправдання фактам,
Что впору хоть голосом вой.

А иебо вкоиец затянуло,
И туча за тучею прет.
И лишь на обветрениых скулах
Слыхать, как щетина растет.

— Когда это кончнтся, боже?
— Да что это в иебе стряслось!
И я дождевик, будто кожу,
Содрал и повесил иа гвоздь.

ЗАНЯТЫЙ ДЕД

Этот домик горбатый
И поныне стоит.
Жил там чудаковатый
Одинокий старик.
Век был занят работой,
Он работу любил,
Все дела да заботы,
Даже сон позабыл.
Покосится крылечко,
Прохудится ли сеть,
Дед не может на печке
Полчаса усидеть.
То не чинена сбруя,
То колодец пустой.
— Дед, садись, потолкуем!
— Не могу, занятой!
Так и годы промчались,
Ах, какие притом!
Смерть пришла, постучалась,
Пропустил ее в дом.
Свечку под образами
Деловито зажег.
— Чем ты, дедушка, занят?
— Помираю, сынок...

СТИХИ О ДРУЗЬЯХ ДЕТСТВА

В ноябре — в глухом ненастье,
Посреди военных лет,
Факт отмечен сельской властью,
Что родился я
На свет.
Факт простой, которых столько
Все ж случилось в недород:
Ленька,
Шурка,
Петька,
Толька —
Жаркой выпечки народ.

...Крикнет мать:
— Картошка стынет!
Марш домой, отец велит!
Подчинялись.
И доныне
Этот крик в груди щемит.
Крепко помню я кожурки
Тех картофелин парных,
Тольку,
Петьку,
Леньку,
Шурку...
Докричись теперь до них!
Как они — на самом деле,
Добры жители земли?
Поженились, повзрослели,
Ребятишек завели?
Без нужды в селе исправно

Поживают.
Гладь да тишь?
Сам бы жил!
Но вот недавно
Написал один:
«Шалишь!
Надоело — жар да холод!
Распродам и скот, и кур,
Все спущу,
Подамся в город...»
Да не спустит:
Чересчур,
С баловства он брякнул лишку.
Вот опомнится едва,
Разберется —
Не мальчишка,
Сам же скажет:
— С баловства!
Помолчит.
Ворота смажет.
Не скрипят?
Расчистит снег
От крыльца.
Уж так отлажен
Славный сельский человек.
Сеет хлеб,
Начальство кроет,
Задарма портвейн не пьет,
В отпуск выйдет — баньку строит,
Белу каменку кладет.
То рубанком гонит стружку.
Сел и курит на бревне.
Может складную частушку
Сочинить в отместку мне:
«Коля, Коля дровцы колет,
Коля песенки поет,

Коля в новенькой рубашке
На деревню не идет!»

Вот приеду,
Стол накрою,
Чарки-рюмочки подам.
И в ответ строкой другою
(Пусть пока не золотою)
Всем, друзья,
Я честь воздам!
Крикну всех.
Придут — уважу.
Вот тропа — расчищен снег.
Так устроен,
Так отлажен
Добрый русский человек.

РЫБАКИ

Да, я запомнил их надолго —
Дороги тех далеких дней.
И тот ночлег в соломе волглой,
И храп уставших лошадей.

Ожоги стуж на лицах смуглых
Моих друзей-бородачей.
И догорающих, как угли,
На стылых ветках снегирей.

Вот мы идем тропой угрюмой
Без рыбы вновь — в который раз.
Скрипит, тревожа наши думы,
Под бродиями некрепкий наст.

Надежны шубы меховые,
Но мы мечтаем о тепле,
Где печь в углу, дрова сухие
И соль в тряпичке на столе...

И вот он — рай! Трещит осина.
Печурка балует чайком,
Уже давно без керосина
Ослеп фонарь под потолком.

Погас огонь, закончив дело,
На нары сон свалил людей.
Идет мороз по крыше белой,
По мокрым спинам лошадей.

И к нам в охотничью сторожку,
Наверно, радуясь теплу,
Ввалился лунный диск в окошко
И покатился по столу.

3 Заказ № 627

ЗЕМЛЯК

На взгорке выдохлась машина,
До большака не довезла.
И накалившуюся шину
Шофер пинает:
— Подвела!

Машина — зверь,
Машина — птица!
Вздохнул шофер:
— Слезай, старик!
Кювет проверил:
Не годится —
С тяжелым грузом напрямик.

Как будто в рейсах не был сроду,
Как будто малое дитя,
Надулся,
Матушку-погоду
По имя-отчеству честя.

Зачем, земляк, напрасно злишься,
Рычишь на небо, будто пес?
Проглянет солнце —
И помчишься,
Аж только пыль из-под колес!

В ПОРУ ЛИСТОПАДА

Мне грустно все ж:
Восторга в сердце нет.
Да, ведь такие годы
Пролетели!
Слова любви к селу
Забронзовели,
А как будил их
В юности рассвет!

Теперь все реже
Пишутся стихи,
И я спокойней
В пору листопада,
Хотя горланят так же
На оградах
В жар-птичьем опереньи
Петухи.

Стал осторожней
К радости народ.
Нечасто ходят
По воду молодки:
На пять дворов
Один водопровод
Торчит, как перископ
Подводной лодки.

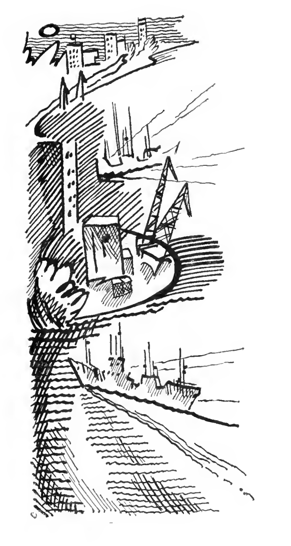
Лишь невзначай
Встревожится душа,
Когда увижу: вдруг
По перекрестку

Мой старый дру́г
Толкает водовозку —
На легких шинах
Бывшего Ижа.

На кочках фляги
Мечутся звеня.
Я вспомню годы,
Что отгрохотали,
Когда мы здешних
Девушек катали
И трактор ждал
У пахоты меня.

Но не припомнить
Больше ремесло,
Что так постыдно
Бросил, уезжая,
И не собрал
Хоть части урожая,
Где сеял сам...
Прости меня, село!

ЖЕЛЕЗНАЯ НИТЬ

К экзотике столь знаменитой,
Конечно, душа не глуха:
К хорею *, к ягушке ** расшитой,
К тынзяну *** в руках пастуха.

Сполохи,
        сполохи,
                сполохи!
Но вдруг упирается взгляд
В деталь современной эпохи,
В соседство моторов и нарт.

Я слышу, как воют долота, —
Глубинный штурмуется пласт.
В разорванной хляби болотной
Гудит
    геометрия
            трасс!

Сдалась под напором металла
Полярных земель тишина.
В старинный орнамент Ямала
Железная нить вплетена.

* Хорей — длинный шест для управления оленьей упряжкой.

** Ягушка — женская верхняя одежда.

*** Тынзян — аркан для ловли оленей.

УХОДИМ В АРКТИКУ

Уходим.
Отданы швартовы.
Нам с пирса машут:
— В добрый час!
А я, удачливый, фартовый,
Готов хоть к полюсу сейчас.

И вот в борта колотят льдины,
И ветры вздыбили волну,
И берега, как субмарины,
Надолго скрылись в глубину.

Еще заманчив путь к Певеку:
Торосы, сполохи, моржи!
Но понял я:
Как человеку
Мне ближе волны спелой ржи.

Пусть я пройду и эти мили,
И льды, и холод сокруша.
Но все ж — от клотика до киля —
Земной останется душа.

СИНИЦА

Кто знал, что беда случится?
В море, где норд свинцов,
Нашли на борту синицу
И малых ее птенцов.

Галдели мы, долго споря,
Не выгалдев ни черта.
И море! Да что там море!
Долбило опять в борта.

Пернатые так ослабли,
Пропали бы ни за грош.
Но встречный один кораблик
Трубою вздохнул: «Ну что ж!..»

Мы тоже вздохнули: муки
Окончились. Но с тоской
Отдали птенцов на руки
Такой же братве морской.

Дай бог им на юг пробиться
К теплу, где трава жива...
Что ж думала ты, синица,
Бедовая голова!

ШУТОЧНОЕ

В Амернку — рукой подать.
Эфнр напичкан твнстамн.
А в Карском море благодать:
Плывн себе, насвнстывай!

И не грущу я нн о ком,
Слежу за льднной хрупкою,
За каждым нерпнчьим хвостом,
Попыхивая трубкою.

О чем грустить?
О чем жалеть?
По штату — не положено!
Вои спнт иа холоде медведь,
Поужииав мороженым.

Я ж в полиочь белую ие сплю
И иичего ие делаю.
И жмется льдина к кораблю
Коварной грудью белою.

ПО ДИКСОНУ В ПОИСКАХ...

Ивану Пятнице

Так завершился сюжет
этой сумрачной повести
И присоседился к списку
привычных потерь.
Белая ночь!
Мы ходили по Диксону в поисках,
Может быть, грусти?
Чего — уж не знаю теперь!
Снег прошлогодний светился
отчетливо, матово,
Дорисовав побережья
высокий карниз.
Как на колеса,
я грязь на ботинки наматывал,
Будто совхозный,
случайно не списанный ЗИС.
Ты мне твердил про зимовку
на острове давнюю,
И про подругу,
что ждать обещала сто лет.
Вот в полутьме неожиданно
стукнули ставнями,
И ночника загорелся
таинственный свет.
Мы на крыльце деревянном
для смелости топнули
Поочередно,
тревожа семейный народ.
«Шляются тут!» —
нам в ответ только форточкой хлопнули,

Бросив вдогонку:
такая, мол, здесь не живет!
Жизнь моряка!
Мы судьбу выбирали не сами ли?
Шли мы на судно,
был холод придирчив и груб.
Но, обнявшись,
мы веселые песни горланили,
Пристанский сторож
приветливо крякнул в тулуп.
Норд сатанел,
надувая над грузами пологи,
Пенился вал
и с размаху хлестал о гранит.
Навещевали нам лишнего метеорологи,
Вот и прибой,
как нанявшийся, в берег долбит.
Приободрясь,
мы ступили на палубы чистые.
Как было знать нам:
вернемся ль на этот причал?
Норд сатанел,
будто список потерь перелистывал,
И до отплытия
в стенку каюты стучал.

В САЛЕХАРД!

Водителю В. Москвину

Яр-салинская * пороша
Ткет льняное полотно.
Я с тобой, такой хорошей,
Рядом сяду все равно!
И скажу:
— Ты знаешь, Вера,
Я с тобой почти знаком!
Пусть теперь Москвин Валера
Нас прокатит с ветерком!
Пусть ударятся в погоню
Телефонные столбы
И под гусеницей стонет
Крепкий лед Обской губы.

— Что ж, садись! —
Согласна Вера.
Откровенно говоря,
У меня такая вера,
Что мы рядышком не зря!

По снегам полночным, серым
Мимо чумов, мимо нарт
Хорошо везет Валера
В стольный город Салехард.

За дорогой смотрим оба.
Что дорога?
Прямиком!

---

* Яр-Сале — поселок на Ямале.

Только ягель под сугробом
К мерзлоте припал ничком.
Только там — в небесных сферах,
Вьюги новые ворчат...

Ничего не слышит Вера
Возле теплого плеча.

НОЧЬ В ПРОЛИВЕ ВИЛЬКИЦКОГО

Над проливом Вилькицкого
Ветер, и мгла,
Да летящий за борт
Уголек папиросы.
И мерещится мне:
Будто дома луна
Над селом проплывает
Осколком тороса.

Хоть на миг бы в каюте
Забыться от дум,
Да послать эту качку
Куда-нибудь к черту,
Чем за боцманом лезть
В громыхающий трюм —
Каждый миг караулить
Удары по борту.

Но бурлит и бурлит
Ненавистная мгла.
Разбиваем полей ледяных
Бастионы.
Ах, луна!
Прокатилась бы
Мимо села,
Да надежней укутала
Плечи влюбленных!

Но и там уж гармошки
Отпели давно.

**А борта все грохочут
В ночи беспредельной,
Словно это стучит
И стучит в домино
Осовевший без жен
Наш народ корабельный.**

ВСТРЕЧА С МОРЖОМ

В море Лаптевых как на беду,
Стопоря бесполезно машину,
Мы разбили на полном ходу
У моржа персональную льдину.

Просверкали у зверя зрачки:
Кто наделал, мол, лишнего шуму?
Полоснули по борту клыки
Так, что страхом наполнились трюмы.

Мы столпились на баке, дрожа,
На морозе не грели тельняшки.
За сердитой спиною моржа
Легких волн разбегались барашки.

Мы молчали. Молчал капитан.
Виновато стучали машины.
Лишь дорогу, где шел караван,
Бинтовали тяжелые льдины.

СТАМУХА *

Улеглась на песчаной банке —
Караванам судов на страх:
— Дайте адрес другой лежанки,
Ноют пролежни на боках!

Не хитри ты со мной, стамуха,
Не заманивай на покой.
Не стучи о борта, старуха,
Ледяною своей клюкой!

Ноют кости в сырой постели.
Знаю, плохи твои дела!
Я ведь тоже бывал на мели,
Только людям не делал зла.

Да и ты по людской привычке,
В одиночестве истомясь,
Манишь чаек испить водички,
О птенцах посудачить всласть.

---

* С т а м у х а — льдина, остановившаяся на мели.

ПОЕДИНОК

Когда разбойничий туман
Нагрянул с полюса сердито,
Опять напомнил океан
О том, что назван —
Ледовитым!

Запела рындовая медь
С какой-то грустью нематросской.
Из-за торосов встал медведь,
Как постовой на перекрестке.

Но я подумал:
Ни черта! —
У нас надежней оборона!
Сверкал у самого борта
Трезубец бога Посейдона.

Пучину вод перевернув,
Явил он волю и отвагу.
И чайки, лапы подогнув,
Легли на курс —
К архипелагу.

Но нам сдаваться не резон,
У нас сезонная работа!
И отступился Посейдон,
Стерев хламидой
Капли пота.

И видел я:
По глыбам льдии
Он шел домой —
Отбушевавший,—
Как всякий старый граждаиии,
Немало в жизни повидавший.

СНЕГ

С морозных палуб
Сбрасываем снег.
И нет конца
Работе окаянной.
Но я, привычный
К делу человек,
Легко машу
Лопатой деревянной.
Потом иду,
Подошвами звеня,
В свой уголок
Качающийся, тесный,
Где всякий раз
Со стенки на меня
Надменно смотрят
Очи «Неизвестной».
А снег летит, летит...
Невмоготу!
Да и братва
Отчаянно готова
Зазимовать
В каком-нибудь порту
До теплых дней
С красавицей Крамского.

В ПОРТУ ТИКСИ

Пахнет лесом строевым,
Непиленым:
Запах родины!
У горла — комок.
На вечерней на воде
На зеленой
От моторного баркаса
Дымок.
Кто-то ловкий на лету
Принял чалку,
Запахнулся в шубу,
Мирно свистя.
Как положено матросам —
Вразвалку —
Шли мы в город,
Тротуаром хрустя.
Ах, как шли мы,
Удаляясь от борта,
От цигарки от одной
Прикурив,
И с девчонками
Из здешнего порта
Перешучивались,
Грусть подавив.
Ты прости меня, земля,
Что не плачу,
И восторг переживаю
Молчком.
Просто молод я,
Играю,
Чудачу.

И прнкндываюсь тут
Дурачком.
Вот уйдем мы на заре
На туманной,
Снова выплывет
Под горло комок,
Словно к пнрсу
Лесовоз нностранный,
Что от русского морозца
Продрог.
А сегодня,
Хоть душа н раннма,
Мы шатаемся по Тиксн,
Свнстя,
И вовсю дымнм
Закупленной «Прнмой»,
Деревянным тротуаром
Хрустя.

ЗАПАХ ХЛЕБА

Потерялись дымки факторий,
Словно нити чужой судьбы.
Вдруг пахнуло в Чукотском море
Хлебом из вытяжной трубы.

Потянуло душком полынным,
Теплой пашней, где спит заря,
Позабытой почти
Равниной
С паутинками сентября.

Столько каждый в деревне не был!
И, повысыпав из кают,
Мы услышали — будто в небе
Наши жаворонки поют.

Даже боцман, он житель местный,
Улыбнулся, хоть весь продрог.
А всего-то — в духовке тесной
Каравай подрумянил бок.

Вот какая случилась повесть:
Дрейфовали мы много дней,
И меня донимала совесть —
Сухарями кормлю парней.

Крепко вахты братва стояла,
Но за ужином всякий раз
Нерешительно повторяла:
— Хлебца б свеженького сейчас!

Что ж, рискнуть — не большое горе!
Плыл мой камбуз в мучном дыму.
И запахло в Чукотском море,
Как поутру в родном дому.

Снова за бортом в буре мглистой
Падал ветер в провал волны.
Но была моя совесть чистой
Перед флотом родной страны.

ЛЮБИМАЯ, ЖДЕШЬ ЛИ МЕНЯ?

Моржам наступая на пятки,
Идем мы по лезвию дня.
В экзотике нет недостатка.
Любимая, ждешь ли меня?
Расстелена шкурой медвежьей
Чукотка — у стылых морей.
И сопки глядят с побережья
Глазами полярных зверей.
Мы вышли к горам Алитета,
Мыс Шмидта повис над трубой.
И плаванье здешнего лета
Затянуто в узел тугой.
И пристань по нитке каната
Врывается в кубрик, звеня,
В распахнутый иллюминатор.
Любимая, ждешь ли меня?

ДОШЛИ!

Певекский порт.
«Южак» нежесткий.
Предзимье.
Кромка сентября.
Светает.
«Маршал Рокоссовский»
Идет,
Волну винтом бугря.
И мы спешим
Под бок причала,
Круша последний
Рваный лед.
И вот по вахте прозвучало:
— В машинном!
Самый малый ход...
Дошли!
«Считать мы стали раны»,
И боцман выдохнул:
— Судьба-а!..
Нас молоком речных туманов
Поит Чаунская губа!

КАМБУЗ

Ну вот и кончена работа,
А бросить камбуз нету сил.
Еще вчера бачки компота
Здесь, балаисируя, иосил.
Когда во льдах борта трещали
И замерзал иа лицах пот,
Я здесь встречал густыми щами
Достойиый Арктики иарод.
Да как забыть дорогу нашу!
Я помиить, кажется, готов
И эти щи, и эту кашу
Возле Медвежьих островов.
Да ведь со миой же это было,
Моя же доля и мечта:
И мыс Шелагский в брызгах стылых,
И надоевшая плита.
Прощай мой, камбуз!
Мие — в дорогу.
Я тыщи миль отштормовал.
Братва крнчит:
— Налейте коку!
Полней, как нам ои налнвал...
И вот прощались мы покуда,
И нес я к трапу чемодан,
Грустя, звенела вслед посуда, —
С товарным штампом «Магадаи».

ПРОЩАНИЕ С ТЕПЛОХОДОМ

В последний вечер у причала
Гремели цепи якорей.
И я сходил на берег алый —
В огни портовых фонарей.

Хрипел неистово транзистор,
Старпом кричал:
— Не забывай!
А дом таким казался близким,
Что хоть подарки доставай.

Подали трап:
— Счастливо ехать!..
Впотьмах ударило весло.
За синий борт скатилось эхо
И плавь до берега пошло.

Дрожал канат на ветре стылом.
Рюкзак болтался за плечом.
И можно было, можно было
Совсем не думать ни о чем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Еще держалось лето,
Но с моря гнало лед.
Я думал не об этом,
Ныряя в самолет.

Отпрянули олени,
И дрогнуло шасси.
Я в мыслях был в Тюмени, —
И мчался на такси.

И ощущал всей кожей:
Вот выбежит родня!
Слегка кивал прохожим,
Кто узнавал меня.

В богатой шубе жаркой
Я мчал, как бы сквозь сон,
Выдерживая марку,
Арктический фасон.

НА ГРАФСКОЙ ПРИСТАНИ

Так вот она, Графская пристань,
Прославленный флотский редут.
С восторгом подходят туристы,
Чтоб увековечиться тут.

Я слышу — звенит мандолина,
Но чудится:
Склянки звенят!
И пушки со стен равелина
По вражьей эскадре палят.

А рядом «полундра» густая
Несется сквозь грохот и дым.
И гильз шелуха золотая
Течет по ступеням тугим.

«Ни шагу... ни пяди... ребята!» —
Слабеющий голос хрипит...
И вновь, будто парус фрегата,
Рубашка на мне пузырит.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ СВЕРЧКИ

Турецкий ветер смоляной.
И ночь темней сукна шинельного.
Свистят сверчки над Корабельною,
Над самой грозной стороной.

Свистят над рощицею тополей.
Так голоса напряжены,
Что все бульвары Севастополя
Высокой лирики полны.

Свистите, милые, без устали,
Пусть каждый трудится солист!
Мне что-то яростное,
русское
Напоминает этот свист.

А волны сумрачней и злей,
Даль черноморская колышется.
И долго в Южной бухте слышатся
Ночные вздохи кораблей.

ОБЕЛИСК У МОРЯ

Взметнувшийся там, за окопом,
Отрытым на прошлой войне,
Он чудится мне
Перископом
Подлодки, что — на глубине.

Ведь блещущий золотом цоколь
Запомнил не все имена...
И павшие за Севастополь
Не знают, что стихла война.

Мелодии траурной звуки
Не слышат они из глубин,
И плиты над ними,
Как люки,
Следящих врага
Субмарин.

АФРОДИТА

Из пенных вод по мокрым плитам,
Кому-то весело крича,
На берег вышла Афродита,
Откинув волосы с плеча.

В полосках узкого нейлона —
Прошла песчаною косой.
И оплывал песок каленый,
Где оставался след босой.

Она прошла, как ослепила.
Весь берег замер, не дыша.
А море вновь волну катило,
Сердито гальку вороша.

Я долго клял себя, разиня,
Смущенье глупое свое.
Мне б подойти,
Спросить бы имя,
Земное имя у нее.

О чем мы тогда не сказали
На этом причале разлук —
За легким вином Цинандали
И робким касанием рук?

Теперь нелегко и непросто
Ответить себе — за двоих,
За эти прибрежные сосны,
За ветер, измучивший их.

Была ты нежной и печальной.
Не знаю — что было со мной?
Фонарь возле стенки причальной
Раскачивался, как больной.

И море! И море шумело,
И ветер слова относил.
Потом катерок ошалело:
«Прощайся!» — вовсю голосил.

Умчал меня в спешке жестокой,
Но с палубы видели все:
Темнел силуэт одинокий
На береговой полосе.

НОЯБРЬ НА ЮГЕ

Рокочет море нервное,
Разбить причал грозя.
В родном краю, наверное,
Земля под снегом вся?

Тропиночки проложены,
Дымки на все село,
В озерный лед вморожено
Забытое весло.

И теплою завалинкой
Отцовский дом одет.
И люди носят валенки,
Что подшивал мой дед.

Там скрип полозьев слышится,
Там все свершили в срок.
Над прорубью колышется
Чуть видимый парок...

И вновь в стихотворении —
Волны прибойный шум!
Но нет отдохновения
Мне от крестьянских дум.

ПОЛУСТАНКИ

НА БОЛЬШАКЕ

На большаке — гроза,
гроза, —
То мотоциклы новые
Газуют, выпучив глаза
Двенадцативольтовые.
Газуют, жуткий страх презрев,
Под визг и свист протекторов,
И расширяющийся гнев
В зрачках автоинспекторов.
Как чертовы рога,
рули,
В цилиндрах смесь гремучая.
И вот — виток,
другой
пошли
На шар земной накручивать.
Напряжены в одном рывке
И выхлопными лаются.
Гремит гроза на большаке,
Глобально разрастается.

Он там остался — за порошами, —
Тот гарнизон в судьбе моей,
И скрип ботинок неразношенных,
И лейтенантских портупей.
И версты марша надоевшего,
И штык, примкнутый наголо,
И месяц, как заиндевевшее
Противогазное стекло,
И шутки ярые, рисковые
О том, что «дембель» впереди,
В морозном паре клуб-столовая,
Команды:
— Стройся! Выходи...
Там мы звались морской пехотою,
Там командирский бас звучал.
Там понял я, прощаясь с ротою,
За что я в мире отвечал!

ГЕНЕРАЛ

Наряды,
наряды,
наряды,
Тревоги, дежурства без сна.
Запутала весь распорядок,
Наделала хлопот весна.

Такого в полку не бывало:
Что сутки, то новый приказ!
Ну где еще, как генерала,
Апрель ожидают у нас?

И все-таки дали промашку:
Он прибыл с другой стороны,
Шагая — шинель нараспашку, —
В зеленых лампасах весны.

НА ЗАГРАНИЧНОМ БАЗАРЕ

Мне в Турку встретился купец
Лицом и выправкой пригожий,
Слабей, чем русский молодец,
Ходивший в Индию,
Но все же!

По всей Финляндии в тот час
Довольством славятся базары,
И все рекламы напоказ
Цветут восторженно и яро.

Он был приветлив, этот финн,
И обходителен, и важен:
Чего, мол, хочет господин?
Олкаа хювя *,
Мы уважим!

Что мне хотеть в чужой стране?
Я вспомнил с грустью потаенной
Тот день на милой стороне,
На нашей ярмарке районной.

Тогда на праздничном лугу
Был торг и весел и неистов.
И сил хватало на кругу
Переплясать всех гармонистов.

Он и теперь еще в чести,
Тот перепляс лихой и жаркий,

---

* Олкаа хювя (финск.) — пожалуйста.

Тот, что в Европе ие иайти
За фуиты, доллары и марки.

— Ей-ей *, — ответил я купцу
И отошел, прощаясь круто.
В тот миг казалось — ие к лицу
Хрустеть обмеииою валютой.

Потом впустую колесил
На том базаре знаменитом...
Видать, ие только иа Руси,
И здесь загвоздка с дефицитом.

---

* Ей (финск.) — нет.

В КОРОЛЕВСКОМ ЗАМКЕ

Грозны башни древнего колосса,
Но за узким таинством дверей
Пыль веков собрали пылесосом,
Полумрак сбежал от фонарей.

Гид ведет направо да налево,
Непростые зрелища суля:
— В этом зале — ложе королевы,
Этот зал — покои короля...

Сам король — с картины
Смотрит строго:
Безупречны локоны и стать,
Молодой,
Наверно, равный богу,
Так и ждешь — начнет повелевать!

Голубая лента, эполеты!
Я ж, признаться, думаю о том,
Как он ночью шел на ложе это
Мимо сонной стражи босиком.

70

НААНТАЛИ

М. Захарову

Не случайно запомнил:
Мы там ночевали
И глазели на кирху
С трефовым крестом.
Городок Наантали,
Отель «Наантали»!
Что-то русское
Слышалось
В имени том.

И красивая девушка
Возле киоска
Так щемяще мои
Всколыхнула года,
Что совсем было близко
До внешнего сходства
С городками, где счастлив
Я был иногда.

Вспоминается,
Как с приближением ночи.
Невозможно о милой грустилось,
Хоть плачь.
И напрасно — с рекламы
Зеленые очи
Зазывали утешить
От всех неудач.

А на утро
Мы тот городок покидали.

Не заманит назад
Никаким калачом.
Но опять я шепчу:
«Наанталн... Наталья...»
И жалею, жалею,
Не знаю о чем...

ХЕЛЬСИНКИ ЗА ОКОШКОМ

Василию Пескову

Блеском реклам затоплен,
Город всю ночь кружит:
Мчится то «форд», то «оппель»,
То полицейский «джип».
Дышит в окно простудой
Северная весна.
Музыка «Барракуды» *
Стихла. Но нету сна.
Вспомнился — в лунном свете
Сельский пейзаж простой,
Наш участковый Петя
С кобурою пустой,
Неторопливой речки
Шелковый говорок,
Домик отца, крылечко
С выбоинкой от ног.
Сколько б ни жил на свете,
Знаю — душа чиста —
Чудится будут эти
Ласковые места:
Галки над крышей храма,
Лошади вдалеке
И у калитки мама
В майском своем платке.

* «Барракуда» — ресторан в гостинице «Мерих-отель».

...Я из толчеи городской
Не вижу обратного хода,
Как будто костюм дорогой
Надел и стесняюсь народа.

Когда-то пахать-боронить
Досталось на тракторе лично.
Но поздно!
                    Оборвана нить.
Потерян тот след гусеничный.

Да поздно ли?
                    Слышу, нет-нет,
Рокочет — из толщи метельной...
Но это бушует сосед
За тонкою стенкой панельной.

Паром, погоди,
Не гуди, не спеши,
Успеешь еще переплыть
Эту реку!
На том берегу
Не видать ни души
И некому слово
Сказать человеку.
На том берегу
Начинается грусть,
Там лужи прихвачены
Слабым морозом.
Паромщик, постой!
Я к любимой вернусь
И вновь поднимусь
По Никольскому взвозу.
Там окна погасли
В знакомом дому,
Там словно чужая
Душа поселилась.
Там не откликались
Звонку моему,
Там, кажется, что-то
С любовью случилось.
Но шкипер серьезен,
Он знает свое.
Ну что ж ты!
Дай ходу — обратно —
Машинам!
Когда погибает любовь,
То ее
Спасать полагается,
Слышишь,
Мужчинам!

Звезды падают в синюю мглу,
Исчезая в березовом колке.
На вечерием покосиом лугу
Не устали кричать перепелки.
Вот маячат большие стога,
Реактивиый проходит со свистом,
И иа месяце старом рога
Так же ярки в дымке серебристом.
И паромщик поет иа корме,
Над водой свесив иоги босые.
И сдается, что двое во тьме
Тихо шепчут слова дорогие.

СТИРАЛА ЖЕНЩИНА

Стирала женщина белье,
Плечами белыми качала.
И тело гибкое ее
Движенья эти повторяло.

Устало голову клоня,
Но, видно, зная, что красива,
На постояльца — на меня —
Лукаво взглядами косила.

И сам смотрел я на нее,
Как на апрельскую погоду,
И помогал отжать белье,
А после стирки вынес воду.

А на ограде, у стены,
Уже твердея от мороза,
Сушились мужнины штаны
Такой кощунственною прозой.

РАЙОННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

— Да, такая уж должность моя:
Все хлопочешь,
печешься,
мотаешься.
А родня?
Ах уж эта родня,
Каждый день до меня добирается:
Мол, конечно, я славы хочу,
Только все не по-моему ладится,
И заметки напрасно строчу,
Ведь в районе одни неурядицы...
Но встаю я с рассветным лучом:
— Утро доброе, сельские жители!
Мне дорожная хлябь нипочем,
Светлым будущим тешу водителей.
А в селе, что ни день, что ни год,
То отзимье, то дождь хулиганствует,
Без натуги пройти не дает
Никакому колесному транспорту.
Да и сам-то в распутице строк
До утра над статейками маюсь я.
А родня?
Да простит ее бог,
Не со зла же ко мне придирается.

Парк ишимский. Тополя.
Крик грачей,
За гнезда драка,
Да штудируют Золя
Третьекурсницы с литфака.

Да торчит, — пора на слом, —
Пьедестал в аллее жаркой:
Физкультурница с копьем
Стережет устои парка.

Но сидит со мной одна —
Сарафанчик из сатина.
— Я люблю тебя, Ирина!
Дрогнул томик...
Тишина.

Буду думать о Золя,
О любви. Присяду ближе.
Как там любится в Париже?
Парк ишимский, тополя...

С НЕПРИВЫЧКИ

Весь день играет радиола.
Теперь без музыки нельзя.
Вот кот по солнечному полу
Ступает, сыто взгляд скося.

Светлана мама, дочка Света,
И мебель светлая, и кот...
Как хороша квартира эта!
Чего ж еще недостает?

Вот снова гости!
Сняв ботинки,
Несмело жмутся у дверей.
И долго крутятся пластинки
Уже повторно, для гостей!

И я со всеми поскучаю
И с разрешенья покурю.
Спокойной ночи пожелаю
И тихо двери затворю.

Что ж, быт устроен и налажен!
О нем раздумаюсь в пути:
Мне с непривычки не в чем даже
Сучок-задоринку найти.

УЧИТЕЛЬ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Памяти поэта А. Коваленкова

Ободряя кивком головы
И озябшей улыбкою грея,
Приводил он с бульваров Москвы
Амфибрахии, ямбы, хореи...

И Пегаса — лихого коня,
Он стегал полюбившейся строчкой,
Полновесною рифмой звеня,
Будто сельский кузнец молоточком.

Не кудесник из древних поэм,
А хранитель весеннего чувства,
Он однажды ушел насовсем,
Молодым завещая искусство.

Друг за другом пошли холода
В доказательство зыбкости мира.
Но могла ли остыть навсегда
Столько песен взметнувшая лира!

Мне не верится.
                    Ночь у окон...
Вдруг опять за метелью незрячей
С Александром Сергеичем он
Засиделся за пуншем горячим?

БЛЕСТЯЩИЙ ЗАЛ

Блестящий зал!
Веселье и уют.
Искрят манишки,
Платья в позолоте.
Вот оркестранты
С трубами встают
И приступают
С удалью к работе.

Столкнулась медь.
И ожил вмиг партер.
Танцуют все:
Изволь поторопиться!
А я — вполне приличный
Кавалер —
Стою один.
Прости меня, столица!

Пусть этот зал
Оркестром окрылен,
Пусть он возвышен!
Я не протестую.
Как мастерски
Выводит саксофон
За парой пару,
Тонко волшебствуя!

А как солист прекрасен,
Боже мой,
Он так откидывает
Голову устало,

Что «бабочка»
С манишки золотой
Вот-вот от блеска
Выпорхнет из зала!

Так почему ж, скажите,
Этот зал
Меня уносит с грустью
К той поляне,
Где я парням
И девушкам играл
На знавшем виды
Стареньком баяне?..

ПРОШЛИ ГОДА...

Я помню день, московский первый день,
Литинститут. И стен его величье.
Мы шли туда из русских деревень,
Ловя ухмылки мальчиков столичных.

Мы состязаться с ними не могли
И восхищать поклонниц на эстраде,
Нам было проще грузные кули
Без лишних слов таскать на зерноскладе.

Что знали мы? Лишь сельскую страду
Да телогрейки, выжженные потом!
И вновь впряглись мы в черную работу,
Пока они шумели на виду.

О мальчики! Хитер крестьянский ум:
Мы были к жизни пристальней и тише.
Где вы теперь? Я помню только шум.
А может, это дождь стучал по крыше?

То разъезды, то полустаики, —
Траиссибирский привычиый вид!
Поднавьючеиные граждаики
Уплотияют вагоиный быт.
И опять, нагоияя сроки,
Поезд катится.
Путь далек.
У титаиа пылают щеки,
Круто варится кипяток.
С разговором не лезут в душу.
Перемолвимся иевзиачай.
Проводиик освещенье тушит,
Закругляя вечериий чай.
Пробегут за окошком елки,
И уж ие иа что бросить взгляд.
Только глянет солдат иа полке
На светящийся циферблат.
Только спутиицы жарким потом
Обливаются.
　　　　　　　　Нипочем!
Обжигаюсь иа поворотах
То одиим, то другим плечом.

Однажды пасмурно и кротко
Я возвращусь домой один.
Отец нальет в стаканы водку:
— Давай за встречу выпьем, сын!
Давай, давай...

И прослезится,
Тряхнет тяжелой головой.
А в окна строго постучится
Ноябрь — уж близкою зимой.

И вновь предъявит нам печурка
Свои сезонные права.
Расколем кряжистые чурки,
Наносим в комнату дрова.

И снова выпьем за удачи,
Пуская дым под потолок.
И философствуя, и плача,
Как все, кто душу уберег.

СОДЕРЖАНИЕ

Земля родная

Арктнческий экзамен

Полустанки

ИБ № 468

Николай Васильевич Денисов

РАЗГОВОР

Редактор М. А. Федотовских
Художник Н. Л. Домрачева
Художественый редактор Ю. Н. Филаненко
Технический редактор К. Г. Проскурникова
Корректоры Г. М. Смирнова, Е. В. Иванова

Сдано в набор 20/X 1977 г. Подписано в печать 29/III 1978 г. НС 12071. Бумага типографская № 1. Формат $70 \times 90/_{32}$. Уч.-изд. л. 2,8. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 10 000. Заказ 627. Цена 35 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Денисов Н. В.

Д33 Разговор. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1978.

96 с. с ил., с портр.

Новая книга стихов тюменского поэта.

Д $\frac{70402-070}{М158(03)-78}$ Р2

35 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1978